

Или эпакту не стремится
Узнать: листает он страницы...

(Ст. 2580 – 2583.)

(речь идет как раз о вычислениях, необходимых для установления дат переходящих праздников). Так или иначе, принимая во внимание реминисценции во «Фламенке» из других произведений, даты которых нам известны (например, «Романа о Розе»; романа Кретьена де Труа), 30 – 40-е годы XIII в. представляются наиболее вероятным временем написания романа. Очевидно, автор, который был, несомненно, духовным лицом и безусловно знал церковную хронологию, воспользовался для романа календарем одного из недавно минувших лет, который у него еще был на памяти, лишь уточняя его по таблицам. Что же касается места написания, то оно было, несомненно, расположено в стороне от театра альбигойских военных действий. Возможно, что здесь ключом является отрывок романа, в котором восхваляется щедрость Гильема (ст. 1722 – 36). Высказывалось предположение, что в этих строках автор, имя которого Бернардет, говорит о себе и своем покровителе, сеньоре д'Альга, из рода Рокфейль, чьи владения располагались в Руэрге близ Нанта. Несмотря на близость их к Тулузе и Альби, где деятельность инквизиции была особенно активной, здесь было относительно спокойно в силу того, что владельцы были вассалами короля Арагонского. Подобными же обстоятельствами может объясняться сохранность в Каркассоне, в непосредственной близости от Каталонии, самой рукописи «Фламенки», пережившей другие, несомненно существовавшие провансальские романы, которые погибли в эпоху альбигойских войн и последовавшего небрежения памятниками куртуазной цивилизации.

Был автор участником драматических событий, или очевидцем, или знал о них только по рассказам (последнее, правда, трудно допустить применительно к трубадуру, который, по самой специфике поэтических турниров, и, судя по описаниям путешествий его героев, должен был много передвигаться по стране) – не так уж существенно для исследования религиозно-культурного слоя «Фламенки». Гораздо важнее то, что человек, столь свободно ориентирующийся в клирических тонкостях и в церковной жизни вообще, был, конечно же, в курсе и неоманихейской ереси катаров, и противопоставляемых ей доводов римской церкви. Отвергая и извращая основные положения христианства, катары проповедовали строгий аскетизм в практической жизни, Принятие мясной и молочной пищи считалось смертным грехом. Брак, узаконивавший плотские отношения, отрицался совершенно. В церковной жизни отвергались иконы и необходимость храмов. Богослужение состояло исключительно в чтении Евангелия и проповеди, канонической молитвой считалась только «Отче наш». Единственный обряд – «утешение» – состоявший в возложении рук на голову кающегося, заменял и крещение, и отчасти причащение. Катаризм внешним своим успехом (а эта секта, близкая балканскому богомилству, распространилась по южной и западной Европе уже с конца X в.) был обязан ревности проповедников и тому, что такие трудные для понимания теологические проблемы, как происхождение зла на земле, они объясняли народу в образах, доступных его фантазии. Причудливая космогония, баснословные рассказы о начале мира, эсхатология соответствовали сознанию, еще не отвыкшему от мифа.

До начала XIII в. католическая церковь, ограничившись объявлением катаров еретиками (после торжественного диспута 1165 г.), не предпринимала против них сколько-нибудь действенных мер. Но, сталкиваясь с растущим влиянием катаризма, с открытой враждебностью, попытками разрушения храмов и т. д., папа, после жестокого убийства его легата во владениях графа Тулузского, в 1209 г. объявил крестовый поход, направленный на искоренение ереси, но также отличавшийся жестокостью. За первым последовали новые походы, получившие, по названию города Альби, где существовала известная на юге катарская община, наименование альбигойских войн. Политические вожди походов преследовали свою цель – захват богатых южных владений. Результатом войн был разгром катаров и перекарта Франции. Заменить новыми духовными ценностями те, что предлагались катарами, победителям не удалось, духовного подъема не произошло. Общество чувствовало усталость, владельцы сеньорам и окружавшим их баронам хотелось вернуться к куртуазным утехам²⁵⁶ и поскорей забыть не только о кровопролитиях двух последних

²⁵⁶ В этой связи интересно рассмотреть картину турнира в конце романа: не являются ли красочно описанные поединки сведением счетов между недавними военными противниками?